

Человек и его тень

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*Ой ты, наш батюшка Тихий Дон!
Ой ты, наш батюшка Тихий Дон!
Ах, как мне, Тиху Дону, не мутну течи:
Со дна меня, Тиха Дона, бьют студены ключи,
Посредь меня, Тиха Дона, бела рыбаца мутит.*

Федор Крюков. «Булавинский бунт» (1894)

24 мая будет отмечаться 100 лет Михаилу Шолохову.

Шолохов — одна из самых непонятных, загадочных фигур российской истории XX века. Она овеяна мифами, в которых преломились извечные русские темы юродства и самозванства.

Какой непостижимой нитью, красной или черной, связаны гениальный мальчик-писатель, корреспондент Сталина, донской курортник, косноязычный очеркист, нобелевский лауреат, запойный пьяница и кровожадный старик, призывавший казнить за инакомыслие? Кто он? Шолохов или Кузнецов? А может, Попов? Когда родился? Есть сведения, что возраст Шолохова в 1922 году был уменьшен, чтобы избежать посадки юного «налоговика» за некие махинации в тюрьму. (Кстати, на могильной плите Шолохова в Вешенской дате рождения нет.) Неясно даже, свое имя носил этот человек или это имя было (якобы) маской его сводного (скорей всего) брата, царского офицера, затем левого эсера, а после видного чекиста Александра Попова?

И какое отношение имеет Шолохов к «Тихому Дону»? А «Тихий Дон» — к донскому казаку, писателю и общественному деятелю Федору Дмитриевичу Крюкову, родившемуся 135 лет назад и умершему в 1920 году в обзоре разгромленной армии Деникина, отступавшей через Кубань к Новороссийску? Мать Шолохова летом 1930 года откровенно рассказала журналистке, что ее сынок малограмотен и «не воспитан образованностью». Она просила эту московскую даму, чтобы та присоветовала невежде-сыну «поехать в Москву за получением образования и встречаться там с умными людьми, просвещенными писателями». (Эту материнскую просьбу опубликовал в своей книге апологет Шолохова Лев Колодный.) Мог ли в самом деле паренек с четырехклассным образованием, «иногородний», не знающий ни казачьего быта, ни донской истории, без допуска в военные архивы, сразу создать книгу такого масштаба, такой силы, которая дается обычно большим жизненным и литературным опытом?

Говорят, что люди тогда рано обретали зрелость. Вот и Максим Горький: вообще нигде не учился, а сколько знал! Считается, что Шолохов начал писать «Тихий Дон» в конце 1925 года, когда ему было 20 лет. А в 1928 году, всего через три года, в журнале «Октябрь» уже были опубликованы первые пять частей романа огромным объемом в 16 печатного листа. Причем книга была напечатана очень быстро: публикация началась в первом номере и закончилась в десятом. Цикл подготовки к печати в редакции занимает несколько месяцев, и это означает, что рукопись могла поступить туда примерно в середине 1927 года. Итак, для написания такого объемного и зрелого произведения, каким являются первые две книги «Тихого Дона», остается всего ничего. Феноменальные, поистине гениальные, непревзойденные сроки!

Иные маловеры, правда, продолжают считать, что невозможно, к примеру, «выполнить бесчисленные точнейшие описания огромного количества мельчайших деталей фронтовой жизни, не видевши лично все эти многочисленные разновидности всяких мундиров, сапог, шинелей немцев, австрийцев, особенности покроя рейтузов венгерских гусар, цвета шнуров на гусарских доломанах, выдвинутый рисунок на галетах из пайка австрийских пехотинцев, форму наруканных нашивок чехов-разведчиков, состоящих на службе в русской армии, мало кому известные специфические особенности лиц и тел баварцев» и т. п.

Вопросы, вопросы... Какую роль в жизни Шолохова сыграл его тесть Петр Громославский, человек авантюрный, с уголовным прошлым? Почему Шолохов, отправившись в Италию к Горькому, не доехал, вернулся из Берлина восвояси? И на самом ли деле пенял в письме Горький Серафимовичу, что тот пригрел «безграмотного уголовника»? А что имел в виду Сталин, называя Шолохова «знаменитым писателем нашего времени»? Был ли тайным соавтором Шолохова в 40-е годы другой великий писатель, опальный Андрей Платонов?

Советское прошлое, сталинская эпоха, отдаваясь от нас, принимают новые черты. В протоколах исторической были начинают проступать зловещий фантом удушливо-сладкой кошмарной сказки. Концы с концами там не вяжутся, события и судьбы подчинены логике парадокса, а финалы тают невозможные ужасы и невероятное счастье. Говорят, что рукопись «Тихого Дона» была одним из самых ценных трофеев советской власти, обретенных в результате гражданской войны. 21 марта 1929 года юный Шолохов встретился со Сталиным. С тех пор его имя будет защищено всей мощью государства. Встреч со Сталиным было у Шолохова не менее тринадцати. Вождь сделал его академиком, депутатом, лауреатом, миллионером, священником коровой советской литературы. Но чем дальше, тем меньше и тем хуже писал этот классик. Словно бы кончался, иссякал у него запас хороших слов. За все годы Великой Отечественной войны он создал, к примеру, четыре (!) газетные корреспонденции. А роман «Они сражались за Родину» оказался брошен, стоило только разойтись жизненным тропам Шолохова и Платонова.

Однако все-таки не робкого был десятка человек! Защищал земляков. Выдвинул на Сталинскую премию 1939 года книгу Анны Ахматовой. Добился освобождения из заключения ее сына и сына Андрея Платонова. Вступился за осужденного на расстрел конструктора «катюши» Клейменова. В интервью во Франции заявил, что следует напечатать запрещенного советскими цензорами «Доктора Живаго» Пастернака...

Он еще написал один рассказ, далеко не худший в бед-

Элина Быстрицкая и Петр Глебов в фильме «Тихий Дон».

ные хорошей прозой 50-е годы. Сказал с разных трибун много неумных слов. Удостоился строки в записке в ЦК КПСС от отдела культуры и науки при ЦК КПСС: «Многих писателей и широкие читательские круги волнует судьба некоторых крупных художников слова, таких как Шолохов, который систематически пьет, подорвал свое здоровье и долгое время не создает новых произведений». Но стоило властям ослабить поводья, как заново пошли разговоры о плагиате. Я их помню, сколько живу на свете. «Тихий Дон» читают и перечитывают не столько уже для удовольствия, сколько для того, чтоб убедиться в своих подозрениях — или их опровергнуть. Не помогло нам и статистическое исследование скандинавских ученых во главе с Г. Хьетсо. Их подход оспорили, да и верно: еще не найдены средства, чтобы количественными методами установить авторство наверняка. Составлен уже список настоящих авторов и соавторов. Краснушкин, Каргин, Серафимович, Платонов... Самое видное место среди них занимает все-таки Федор Крюков, русский патриот, народник и либерал, признававшийся как литератор Короленко и Горьким. Крюков хорошо писал: «Я люблю Россию — всю, в целом, великую, несуразную, богатую противоречиями, непостижимую, «могучую и бессильную...». Я болел ее болью, радовался ее редкими радостями, гордился гордостью, горел ее жгучим стыдом».

Об его авторстве так или иначе говорили Астафьев, Гроссман, Виктор Некрасов, Василь Быков, Нагибин, Окуджава, Аксенов, Искандер, Солженицын, Вознесенский... Признаться, и мне не чужда эта идея. Ну а сам

Шолохов на запрос одного из журналистов ответил твердо, письмом: «Писателя Ф. Д. Крюкова я не знаю и никогда не читал. М. Шолохов».

Недавно была найдена при странных обстоятельствах и теперь даже выставляется в Интернете рукопись «Тихого Дона». Та самая, которая, по словам самого Шолохова, погибла при бомбежке, а также (по другой его версии) была утеряна чекистами-архивариусами. Оказывается, она хранилась в Москве, забытая автором у случайного приятеля году еще в 30-м. Впервые в 1990 году тот же Лев Колодный известил о находке, но появилась на свет рукопись лишь девять лет спустя. Государство купило ее и передало в ИМЛИ. Некоторые уверяли, что это черновик. Правда, почти без следов правки, переписанный красивым почерком, точнее — почерками. Около трети рукописи написано не Шолоховым, а, как нам объясняют, его женой. Причем и правка иной раз вносил тоже не шолоховской рукой.

Увы, это замечательное открытие не охлаждает горячие головы, не упраздняет тех вопросов, которые задавали и задают самые разные люди, включая земляков, от жителей станции Вешенской до Солженицына. В Сети некто Ракитин рассказывал: «Я лично был в Вёшках у дальних родственников целый месяц. Так вот там каждый вечер, когда собирались люди на крыльце, почти всегда заходил разговор про «гения» Шолохова. Самая убийственная фраза о Шолохове была сказана одним стариком, бывшим колхозным счетоводом, который был большим станичным книголюбом: «Да не он это писал! Куда там ему такую книгу написать! Он же на

всех этих встречах в Доме культуры, сколько я его помню с 1939 года, как дурачок какой-то всегда разговаривал... Спросишь, где материал на такую громадную книгу насобирали, а он в ответ прибаутки какие-то придурочные говорит...» Строго писал, напомню, донец Исачик: «Перед читающей публикой проступил случай небывалый в мировой литературе... Юный продкомиссар, затем московский чернорабочий и делопроизводитель домоуправления на Красной Пресне опубликовал труд, который мог быть подготовлен только долгим общением со многими слоями дореволюционного донского общества, более всего поражал именно вжитостью в быт и психологией тех слоев. Сам происхождением и биографией «иногородний», молодой автор направил пафос романа против чуждой «иногородности», губящей донские устои, родную Донщину, — чего, однако, никогда не повторил в жизни, в живом высказывании, до сего дня оставшись верен психологии продотрядов и ЧОНа. Автор с живостью и знанием описал мировую войну, на которой не бывал по своему десятилетнему возрасту, и гражданскую войну, оконченную, когда ему исполнилось 14 лет...»

И вот теперь хорошо бы нам иначе взглянуть на все, о чем сказано. Самое главное: «Тихий Дон» — настоящий эпос. Из тех, для которых проблема авторства не так уж и важна. Ученые спорят о Гомере, но «Илиада» и «Одиссея» выше этих споров и покойно лежат в фундаменте культуры Запада. Я не говорю уж об эпических книгах Библии.

«Тихий Дон» — это жгучий отклик эпохи в ее ключевом содержании. Крушение христианской веры, крушение патриархальной цивилизации. Разгул зла. Кровь, смерть. Бесконечно жестокий, обезбоженный мир. Посреди стихий, в адских безднах звучит рыдание, плач и вой над народом и страной, над всем, если хотите, человечеством... Чудовищное давление зла на человека. И отчаянные попытки человека устоять и не сломаться, трагический ответ личности на вызов судьбы. Она погибает, но пока не сдается.

Если даже на минуту предположить, что это написано не Шолоховым, то нельзя не согласиться: страшный этот кирпич текста сросся с его душой и иной раз давал внезапный выплеск, протуберанец страсти.

Романом этим выражена самая крупная эпическая тема эпохи. Потом уже и невозможно было ее повторно воспроизвести с той же глубиной дыхания. Не бывает таких повторных попыток, и, помимо прочих причин, вот откуда, можно думать, и обмельтел «Поднятой целины», и ранний политический маразм.

Да ведь и вообще все, что случилось с нами дальше, является лишь растянутым на десятилетия эпилогом той роковой драмы, которая разразилась в начале XX века. Мы до сих пор хлебем эту кровавую, рвотную юшку под музыку Александра, на слова Михалкова.

Но все-таки есть, кроме этих бездарных слов, черное солнце «Тихого Дона» и есть страдающий убийца и сам себе палач Григорий Мелехов — и жертва, и трагический герой. Олицетворение плачевной и горькой народной судьбы.

Евгений ЕРМОЛИН,
профессор ЯГПУ.